

Трансформация взрослости в эпоху цифровизации*¹

Огарева Е. И. *, Лик Н. В., Сероштанов Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ogareva-ei@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению феномена инфантилизации современной молодежи, привлекающей все больше внимания исследователей. Противопоставляются взгляд на инфантилизм как своеобразную болезнь молодежи, порожденную изменением социокультурной реальности и цифровизацией, трактовке инфантилизма как искусственно выведенной категории (медийного продукта). Приводятся данные пилотажного исследования «образа взрослого» в представлении молодых людей в период ранней взрослости. Выдвинуто предположение о том, что в современных реалиях «образ взрослого» находится на стадии критического переосмысления. В силу этого преодолеть идентификационный разрыв между собственным образом «Я» и эталонным образом «взрослого» молодым людям становится труднее.

Ключевые слова: взрослость, инфантильность, зрелость, современная молодежь, образ взрослого, цифровизация

Для цитирования: Огарева Е. И., Лик Н. В., Сероштанов Д. А. Трансформация взрослости в эпоху цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 138–144.

The Transformation of Adulthood in the Digital Age

Ekaterina I. Ogareva*, Nataliia V. Lik, Dmitry A. Seroshtanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *ogareva-ei@ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the phenomenon of modern youth's infantilization, attracting more and more attention of researchers. The view of infantilism as a kind of youth disease generated by a change in socio-cultural reality and digitalization is opposed the interpretation of infantilism as an artificially derived category (media product). The data of a pilot "image of an adult" study (in young people perception) are presented. The thesis that in modern realities the "adult image" is at the stage of critical rethinking is proposed.

Keywords: adulthood, infantilism, maturity, modern youth, the image of an adult, digitalization

For citing: Ogareva E. I., Lik N. V., Seroshtanov D. A. The Transformation of Adulthood in the Digital Age // Administrative consulting. 2021. N 12. P. 138–144.

Введение

Традиционно период взрослости рассматривается как наиболее продолжительный и продуктивный период жизни человека, связанный с достижением зрелости и вершин профессионального и личностного развития — «акме». Несмотря на множество периодизаций, в большинстве случаев «нижней границей» наступления ранней взрослости считается возраст 17–20 лет. Для отечественной психологии в целом

¹Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021.

характерно деление взрослости на более короткие, качественно своеобразные этапы, а также акцент на связи взрослости и достижения зрелости. Так, Б. Г. Аняньев период взрослости, к которому он относит промежуток жизни человека от 18 до 60 лет, делит на три периода: раннюю (18–25 лет), среднюю (26–46 лет) и позднюю взрослость (47–60 лет). Р. М. Грановская выделяет следующие стадии в развитии взрослых людей: 25–35 лет — ранняя, 35–45 лет — средняя, 45–60 лет — поздняя зрелость.

Ранняя взрослость — это этап достижения пика биологического созревания организма, отделения от родительской семьи и развития интимных отношений, активного формирования профессионального статуса, а также овладения широким спектром социальных ролей. Самым важным новообразованием данного периода можно считать достижение социальной и личностной зрелости, которая субъективно переживается появлением у молодого человека «чувства взрослости» [5; 14]. Рассматривая данную трансформацию, А. В. Микляева предлагает опираться на термин «возрастная идентичность» — процесс и результат идентификации человека с той или иной возрастной группой, выполняющий функцию регуляции социального поведения личности [10]. Идентичность «Я-взрослый» предполагает освоение и реализацию «взрослых» форм поведения и соответствующего ролевого репертуара (семейного, профессионального и социально-экономического) [11]. Для того чтобы трансформация свершилась, необходимо преодолеть идентификационный разрыв между собственным образом «Я» и эталонным образом «взрослого». Однако в современных реалиях и сам образ «взрослого» претерпевает значительную трансформацию. В последнее время можно заметить особое внимание исследователей к проблеме инфантилизма как оборотной стороны взросления и достижения личностной зрелости (А. А. Серегина, Г. З. Ефимова, Н. А. Жесткова, А. В. Микляева и др.). Так, Ф. С. Брантова в своем диссертационном исследовании отмечает: «Обращение к проблеме психологической зрелости личности ... вызвано нарастающими тенденциями инфантилизации, примитивизации и поверхностности мышления, речи, поведения, общения и отношений современного человека, которые без труда фиксируются элементарным опытом наблюдения жизни, отмечаются представителями различных направлений науки: в философии, лингвистике, психолингвистике, социологии, педагогике, психологии, медицине и др.» [3, с. 1]. При этом само понятие «инфантилизм» меняется, расширяется, охватывая все более широкий спектр явлений социально-психологического характера. Помимо близких и созвучных понятий «отложенное взросление», «социально-экономическая пассивность» и пр. на слуху такие определения, как «кидалтизм» и «NEET-молодежь».

Кидалтами (англ. *kidult*, сокр. от *kid* — ребенок и *adult* — взрослый) обозначают сегодня молодых людей 20–30 лет, которые традиционным ценностям зрелости — построению карьеры, созданию семьи, просоциальному поведению (служению, благодеянию) — предпочитают детские увлечения и активности: компьютерные игры, просмотр мультфильмов, фэнтези и пр. В описаниях исследователей кидалты отличаются нежеланием брать на себя ответственность, инфантилизмом в личных и рабочих отношениях и эскапизмом (стремлением уйти от реальности). Также это явление известно как «синдром Питера Пэна», по аналогии с героем сказки — мальчиком, который не хотел взрослеть, или «синдром Карлсона» [15].

NEET-молодежь (от англ. *Not in Employment, Education or Training*) — это возрастная группа 15–24 лет, не имеющая постоянного места учебы или работы, не участвующая в профессиональной подготовке (переподготовке) и не занимающаяся их поисками. Особое внимание здесь вызывает категория тех, кто добровольно сделал выбор в пользу подобного варианта жизни и сознательно не ищет выхода из ситуации, предпочитая иждивенческую или гедонистическую позицию [4].

Научный и общественный резонанс явления инфантилизма современной молодежи имеет, однако, амбивалентный характер. Ряд исследований делают акцент исключительно на негативных сторонах «замедленного взросления». Так, А. С. Демиденко причисляет к характерным признакам инфантильности современной российской молодежи: отсутствие четкой гражданской позиции, смещение приоритетов в учебе с получения знаний на наличие диплома, повышение возраста вступления в брак, принятие «взрослых привилегий» без принятия ответственности, следование гедонистической модели поведения, постепенная маргинализация и утрата потенциала развития. При этом автор подчеркивает, что в российском обществе данные явления связаны, прежде всего, с распространением массовой потребительской культуры, наполненной ценностями эмансипации и гедонизма, и «тепличными» условиями жизни взрослеющей молодежи [8]. По мнению С. Г. Гуртовой, опасность положения заключается в том, что сегодня посредством медиаканалов создаются и активно распространяются устойчивые мифы о нормальности инфантильного поведения. А на экранах телевизора и в интернете популяризируются образы «не стареющих кумиров», демонстрирующих отказ от взросления, что в совокупности приводит к снижению мотивации взросления [7]. Анализируя факторы инфантилизации современной молодежи, Я. А. Ардельянова и Б. Ш. Саидов особое внимание обращают также на усиливающуюся тенденцию цифровизации. По их мнению, именно виртуальная реальность, которая становится основной для молодежи, приводит к задержке формирования зрелой личности. Жить в виртуальной среде, дающей возможность выдавать желаемое за действительное, проще, безопаснее и интереснее, чем в реальном мире. Таким образом создается ложная картина настоящей жизни индивида и снижается ощущение личной ответственности [1]. Мир виртуальной реальности дает современному молодому человеку неисчерпаемые возможности для самопрезентации. Ценность «достижения» ассоциируется здесь прежде всего с «массовым признанием» (наличием последователей), ощущением собственной уникальности, авторства, возможности «влиять» на других, задавать новые тренды. Такой капитал к тому же хорошо монетизируется, но далеко не всегда он связан с ощущением личной ответственности и демонстрацией «просоциальных» моделей поведения.

На другом полюсе мнение о том, что инфантильность современной молодежи — категория скорее «надуманная», и даже вредная («стигматизирующая»). Так, писатель и журналист Л. Горалик, подчеркивая субъективность описываемого феномена, замечает: «главное, что заставляет нас обращать на него внимание, главное, что делает его, собственно, феноменом, — это его несоответствие нашим представлениям о том, какие решения должен принимать (и какой образ жизни должен, соответственно, вести) человек, причисляемый нами к категории «взрослых» [6]. При этом, по мнению автора, сам феномен является исключительно «медийным» — это своеобразный продукт виртуальных дискуссий, содержащий лишь попытку осмысления происходящих в социуме перемен.

Определяя инфантилизм как «личностную организацию, сохраняющую черты и модели поведения предыдущего возрастного периода, бывшие адекватными прежде, но не являющиеся адекватными на следующем этапе», Е. В. Сабельникова и Н. Л. Хмелева подчеркивают, что ключевую роль в развитии данного явления играет культурно-историческая среда, — и движущие силы развития — общение и деятельность [12]. Согласно А. В. Микляевой, анализ феномена «зрелость личности — инфантилизм личности» показывает, что его следует трактовать как биполярный социальный конструкт, посредством которого закрепляются представления о нормативных моделях социализированности личности [9]. Однако эти модели неизбежно должны меняться по мере развития общества: разные общества, культуры и эпохи требуют и разных личностных качеств. При переходе к новой социокультурной эпохе возникает

наложение старых представлений о критериях взрослости и зрелости на новые условия социализации [2].

Материалы и методы

Целью данного исследования было изучение содержания «образа взрослого» молодыми людьми в период ранней взрослости.

В исследовании приняло участие 100 человек, студентов СЗИУ РАНХиГС (из них 70% девушки и 30% молодые люди) в возрасте 18–24 лет (2–4 курсы обучения). Согласно периодизации Б.Г. Ананьева, респонденты находятся на стадии «ранняя взрослость».

Мы сознательно отказались от использования исключительно стандартизированных опросников, поскольку они значительно ограничивают возможности качественного анализа изучаемого феномена. В качестве основного инструмента исследования мы использовали метод семантического дифференциала. На начальном этапе исследования мы предложили студентам факультета социальных технологий определить набор шкал (пар прилагательных-антонимов), пригодных для оценки взрослости.

Результаты

Наиболее часто встречающимися характеристиками оказались пары: «добросовестный — безответственный» (80%), «состоятельный — бедный» (33%), «самостоятельный — несамостоятельный» (40%), «решительный — нерешительный» (27%), «опытный — наивный» (20%), «разумный — инстинктивный» (20%) и «стабильный — непостоянный» (20%). Все характеристики обсуждались в группе для выяснения субъективной семантической нагрузки. Синонимичные и близкие по смыслу определения объединялись. Всего было отобрано 15 шкал.

На втором этапе мы предложили другой группе студентов оценить «типичного» взрослого по этим шкалам (и при необходимости добавить недостающее определение). Анализ полученных результатов показал, что взрослый человек в глазах опрошенных характеризуется высокой степенью самостоятельности, автономии и решительности. На среднем уровне находятся показатели платежеспособности, саморазвития, активности, целеполагания и стабильности. А вот такие характеристики, как «опытный» и «семейный», хотя и считаются присущими взрослому человеку, оцениваются скорее как необязательные (оцениваются на уровне ниже среднего). Интересно, что здоровью была приписана средняя оценка, а вот внешний вид («цветущий») и энергичность («бодрый») респонденты оценили как слабо выраженные.

Вопрос о том, насколько взрослыми ощущают себя сами респонденты (студенты возраста 19–21 года) дал следующие результаты: 15% считают себя взрослыми (70–90 баллов по 100-балльной шкале), 60% — «не совсем взрослыми» (35–70 баллов по 100-балльной шкале), 25% не считают себя взрослыми вовсе (менее 35 баллов по 100-балльной шкале).

Таким образом, взрослость ассоциируется для опрошенных молодых людей с финансовыми обязательствами, необходимостью планирования и приложения усилий в достижении результатов, устойчивостью по отношению к внешним негативным воздействиям и, одновременно, снижением внешней привлекательности и энергетического потенциала. Для большинства опрошенных «взрослость» не является субъективно привлекательной категорией, декларируется желание подольше «не взрослеть». При этом определяющими, наиболее важными характеристиками «взрослого» молодые люди видят самостоятельность, независимость в суждениях и поступках, а также решительность в отстаивании своей позиции.

Обсуждение и выводы

Понятие «инфантилизм» сегодня вышло за рамки своего изначального (медицинского) значения и широко используется в научной области и повседневной коммуникации для обозначения (в негативной коннотации) несоответствия поведения и личностных особенностей человека, достигшего формально возраста взрослости, социальным ожиданиям.

Анализируя наиболее типичные для современного общества «тесты взрослости» (окончание образования, уход из дома, финансовая независимость и пр.), в своих исследованиях Л. Горалик выделяет такие критерии достижения зрелости, как семейное положение, линейная карьера, целенаправленное накопление капитала [6]. Однако они, на взгляд автора, являются «внешними» и весьма относительными. Обращаясь к проблеме критериев зрелости, В. В. Солodников также отмечает, что молодежь воспринимается инфантильной в силу отсутствия некоторых из некогда определенных критериев, приписанных 20–30-летним. Но, вероятно, именно реалии сегодняшнего времени диктуют новые формы адаптивной взрослости, «в течение которой предстоит получать образование всю жизнь (long life education), менять (иногда качественно) профессию, быть актором «последовательной моногамии» и/или двигаться по «траектории семейного опыта» (Э. Тоффлер), арендовать жилье и т. п.» [13, с. 170]. «Формы признания (человека) взрослым изменились с жизненных модусов, ориентированных на определенность, предсказуемость и долговременное планирование, на признание неопределенности, риска и кратковременных проектов <...> это практики социальной грамматики новой взрослости <...> А новые взрослые не живут в затянувшемся подростковом возрасте, а, наоборот, хорошо интегрированы в мир (радикально) отличный от прошлого...» [там же].

Полученные промежуточные результаты исследования демонстрируют, с одной стороны, ориентацию молодых людей на привычные критерии зрелости (автономность, самостоятельность и ответственность, финансовая независимость и стабильность, наличие семьи), с другой — вскрывают определенное непринятие данной модели, ассоциированной с большим количеством обязанностей и необходимостью принимать решения и нести за них ответственность. Можно предположить, что «образ взрослого» находится сегодня, в эпоху цифровизации и соответствующей трансформации социокультурной реальности, на стадии критического переосмысления (как самими взрослеющими, так и обществом в целом). В силу этого преодолеть идентификационный разрыв между собственным образом «Я» и эталонным образом «взрослого» молодым людям становится труднее. Косвенно данное предположение подтверждают данные социологических опросов. Так, в рамках исследования ВЦИОМ на вопрос «Какие качества, на ваш взгляд, в наибольшей степени присущи современной российской молодежи?» респонденты возраста 18–24 лет демонстрировали неоднозначную оценку именно в отношении «качеств взрослости»: трудолюбие (40%) — лень (57%), расточительность (49%) — бережливость (46%), эгоизм (49%) — социальная ответственность (43%)¹. Однако данный тезис нуждается в дальнейшем обсуждении и широком научном исследовании.

Литература

1. Ардельянова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4. С. 32–36.

¹ Молодежь 2.0: Аналитический обзор // ВЦИОМ: Сетевое издание WCIOM. 2019. 25 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozh-20> (дата обращения: 01.08.2021).

2. *Бернацкий В. О., Мосиенко Л. И.* Концепт «инфантильная молодежь» в контексте диалога семьи и общества // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 56–63.
3. *Брантова Ф. С.* Представления о психологически зрелой личности в сознании людей разного возраста : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2011. 247 с.
4. *Буланова М.* NEET-молодежь: опыт международной диагностики // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 3 (13). С. 54–60.
5. *Головей Л. А.* Психологическая зрелость личности / под общ. ред. Л. А. Головей. СПб. : Скифия-принт, 2014. 238 с.
6. *Горалик Л.* Маленький Принц и большие ожидания : Новая зрелость в современном обществе // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008. № 8 [Электронный ресурс]. URL: https://linorgoralik.com/little_prince.htm (дата обращения: 20.10.2021).
7. *Гутова С. Г.* Социальный инфантилизм и социальная зрелость молодежи // International scientific-practical web-congress of pedagogues and psychologists "BE SMART!" : Сб. трудов конференции 17–18 февраля 2015 г., Женева. Европейская ассоциация педагогов и психологов "Science", 2015. С. 146–151.
8. *Демиденко А. С.* Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 3–1. С. 143–149.
9. *Микляева А. В.* Зрелость и инфантилизм личности в социальных представлениях различных поколений // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 4 (17). С. 473–476.
10. *Микляева А. В.* Психология межвозрастных отношений. М. : СВИВТ, 2014. 159 с.
11. *Микляева А. В., Безгодова С. А., Якунин А. П.* Отношение подростков к социальным ролям взрослого человека: к вопросу о социально-психологических перспективах взросления // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 2 (15). С. 283–286.
12. *Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л.* Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 89–105.
13. *Солодников В. В.* О потребности в детях и репродуктивном поведении // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4 (116). С. 166–172.
14. *Хухлаева О. В.* Психология развития: молодость, зрелость, старость. М. : Издательский центр «Академия», 2002. 208 с.
15. *Ядова М. А.* Молодежь в современном мире: тенденции взросления // Россия и современный мир. 2018. № 4 (101). С. 104–110.

Об авторах:

Огарева Екатерина Ивановна, директор образовательных программ «Психология», «Управление персоналом», доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат психологических наук; ogareva-ei@ranepa.ru

Лик Наталия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); liknatali@mail.ru

Сороштанов Дмитрий Анатольевич, аспирант направления «Психологические науки» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dimas_20694@mail.ru

References

1. *Ardelyanova Y.A., Saidov B.Sh.* Factors and conditions of infantilization of modern youth // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2018. N 4. P. 32–36. (In Rus).
2. *Bernatsky V.O., Mosienko L.I.* The concept of "infantile youth" in the context of dialogue between the family and society // Bulletin of Omsk University [Vestnik Omskogo universiteta]. 2019. V. 24, N 1. P. 56–63. (In Rus).
3. *Brantova F.S.* Ideas about a psychologically mature personality in the minds of people of different ages : dissertation. Moscow, 2011. 247 p. (In Rus).
4. *Bulanova M.* NEET-youth: experience of international diagnostics // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art history" [Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie]. 2018. N 3 (13). P. 54–60. (In Rus).

5. Golovey L.A. Psychological maturity of personality / under the common ed. of L. A. Golovey. St. Petersburg: Scythia-print, 2014. 238 p. (In Rus).
6. Goralik L. Little Prince and great expectations: New maturity in modern society [Electronic resource] // Fashion theory: Clothing. Body. Culture [Teoriya mody: Odezhdha. Telo. Kul'tura]. 2008. N 8. URL: https://linorgoralik.com/little_prince.htm. (In Rus).
7. Gutova S.G. Social infantilism and social maturity of youth // International scientific-practical web-congress of pedagogues and psychologists "BE SMART!": Collection of proceedings of the conference on February 17–18, Geneva: European Association of Educators and Psychologists "Science", 2015. P. 146–151. (In Rus).
8. Demidenko A. S. Social infantilism of Russian youth: specifics of scientific discourse // Historical and socio-educational thought [Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl']. 2018. N 3-1. P. 143–149. (In Rus).
9. Miklyaeva A. V. Maturity and infantilism of personality in social ideas of various generations // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology [Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya]. 2016. N 4 (17). P. 473–476. (In Rus).
10. Miklyaeva A. V. Psychology of inter-age relations. M.: SVIVT, 2014. 159 p. (In Rus).
11. Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A., Yakunin A. P. The attitude of youth to the social roles of an adult: to the question of the socio-psychological prospects of growing up // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology [Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya]. 2016. N 2 (15). P. 283–286. (In Rus).
12. Sabelnikova E. V., Khmeleva N. L. Infantilism: theoretical design and operationalization // Education and science. [Obrazovanie i nauka] 2016. N 3 (132). P. 89–105. (In Rus).
13. Solodnikov V. V. On the need for children and reproductive behavior // Monitoring public opinion [Monitoring obshchestvennogo mneniya]. 2013. N 4 (116). P. 166–172. (In Rus).
14. Khukhlaeva O. V. Psychology of development: youth, maturity, old age. M.: Publishing Center "Academy", 2002. 208 p. (In Rus).
15. Yadova M. A. Youth in the modern world: trends in growing up // Russia and the modern world [Rossiya i sovremennyy mir]. 2018. N 4 (101). P. 104–110. (In Rus).

About the authors:

Ekaterina I. Ogareva, Head of the educational programs "Psychology", "Personnel Management", Associate Professor at the Chair of Social technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Psychology; ogareva-ei@ranepa.ru

Nataliia V. Lik, Senior Lecturer of the Chair of Social technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); liknatali@mail.ru

Dmitry A. Seroshtanov, Postgraduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); dimas_20694@mail.ru